

Из старого альбома *Гуманности.*—

—Минск.—1991.—15 экз.

«НАС ЧЕТВЕРО...»—такая запись появилась в черновиках Анны Ахматовой в 50-е годы, когда уже не было в живых ни Цветаевой, ни Мандельштама... Блистательные имена этой четверки стали совестью эпохи, символом высочайшей духовности, самоотверженного служения Поэзии. В прошлом году отмечалось столетие со дня

историко-филологического факультета Петербургского университета. Он посещает собрания Религиозно-философского общества, бывает на «башне» у Вячеслава Иванова, знакомится с Н. Гумилевым и А. Ахматовой, входит в литературную среду Петербурга.

Первый сборник стихов «Камень» вышел в 1913 году. Это

...1915-й. Крым. Коктебель. Здесь Осип Мандельштам познакомился с М. Волошиным и М. Цветаевой. Отзвуки коктебельского периода будут слышаться в творчестве поэта на протяжении всех последующих лет, а культура древней Эллады станет своеобразным камертоном его творчества.

Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий, скрипучий поворот руля. Земля плывет. Мужайтесь, мужи, как плугом океан деля. Мы будем помнить и в летней стуже, что десяти небес нам стоила земля.

«...Тогда не только я, но и многие писатели старшего по-

софскими, политическими прозрениями. В их числе — эссе «Четвертая проза» (1930—31 г.г.): «Брызжет фонтаном черная лошадиная кровь эпохи», всеобщий «животный» страх строчит доносы, бьет по лежащим, требует казни для пленников и за любое прегрешение грозит самосудом — «бей его!» Идет охота на инакомыслящих, участвует в ней и «малютка комсомол», который под руководством «агитмамушек, бабушек, нянюшек» готов расправиться с любым «паршивым кучеренком»...

В 1933 году появляются стихи, ставшие роковыми:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомним кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви жирные,
И слова, как пудовые гири верные,
Тараняны смеются глазища
И сияют его голенища...

Заступничество Бориса Пастернака и Анны Ахматовой уже ничего не могло изменить. Прямо с Лубянки Осип Мандельштам был выслан на три года в Чердынь, затем — в Воронеж. В ссылке появляется знаменитый цикл стихов «Воронежские тетради».

Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок
От замкнутых я, что ли, пьян

дверей?
И хочется мычать от всех замков и крепок..

В мае 1937-го вместе с женой Мандельштам возвращается в Москву. А через год снова арест. По этапу — во Владивосток, бывший для ссыльных транзитным пунктом. Здесь след Мандельштама теряется...

До недавнего времени никаких сведений о последних днях жизни поэта не было. Лишь в изданной в прошлом году Воронежским университетом книге «Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама» сделана попытка восстановить подробности этого периода его жизни. Своеобразный комментарий к творчеству поэта, эпохе, в которой он жил, — две книги воспоминаний верного друга и жены Мандельштама — Надежды Яковлевны...

...В молодости он был убежден, что «поэзия есть сознание своей правоты». Эту готовность отстаивать свою правоту — ценой мученичества и самопожертвования — Мандельштам пронес через всю жизнь.

Не кладите же мне, не кладите Остроласковый лавр на виски. Лучше сердце мое разорвите. Вы на синего звона куски! И когда я умру, отслуживши, Всех живущих прижизненный друг,

Чтоб раздался и шире и выше
Отклик неба во всю мою грудь!

Геннадий ШАРЫЙ.

«ВСЕ ДВИЖЕТСЯ ЛЮБОВЬЮ»

Сегодня исполняется 100 лет со дня рождения Осипа Мандельштама

рождения Бориса Пастернака, в 1989-м — Анны Ахматовой. Нынешний год — год Осипа Мандельштама.

Родился поэт 15 января 1891 года в Варшаве. В Москве, в Тенишевском училище, получил прекрасное гуманитарное образование. Русский язык и литературу здесь преподавал директор училища Вл. В. Гиппиус — ученый-пушкинист, поэт. Именно в эту пору у Мандельштама пробуждается интерес к поэзии, тогда же появились первые стихи. В 1907 году он слушает лекции в Сорбонне, затем — в Гейдельбергском университете — изучает старофранцузский, французский и немецкий языки, увлекается символизмом. В 1911 году Мандельштам поступил на романо-германское отделение

был сборник не школяра — мастера.

Дано мне тело — что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?
За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?..

Георгий Иванов позже пишет: «Я прочел это и еще несколько таких же «качающихся» туманных стихов, подписанных незнакомым именем, и почувствовал толчок в сердце: «Почему это не я написал!» Такая «поэтическая зависть» — очень характерное чувство. Гумилев считал, что она безошибочнее всех рассуждений определяет «вес» чужих стихов. Если шевельнулось «зачем не я», значит, стихи «настоящие». Стихи были удивительные.

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся.
Как журавлиный клин, в чужие рубежи,
На головах царей божественная пена,
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер — все движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
А море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.
А потом была революция 1917-го...

колениа, да и мои сверстники еще не понимали масштаба событий, — писал И. Эренбург. — Но именно тогда молодой петроградский поэт, которого считали салонным, ложноклассическим, далеким от жизни, тщедушный и мнительный Осип Мандельштам написал замечательные строки... стихи о корабле времени, который меняет курс. Никогда он не отворачивался от своего века, даже когда волкодав принимал его за другого...

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Он вовсе не считал себя ни пророком, ни провидцем и — оставил произведения, наполненные поэтическими, фило-